

Олег Ашихмин

Таков хоккей

Рассказы

16+

Олег Ашихмин

Таков хоккей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63110893

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге приоткрывается закулисье профессионального хоккея. Люди, судьбы, громадные контракты и неоднозначная жизнь хоккеистов и тренеров.

Олег Ашихмин

Таков хоккей

Баул

Селя в прекрасном расположении духа шел со льда в раздевалку. Тренеры перед играми особо не нагружали и команда, словно ирландские сеттеры перед охотой, источая желание, азарт и готовность, с удовольствием сделали все упражнения, без надрыва, весело, игриво и с задором.

– Александр, а, правда, что вы уходите из спорта? – вдруг откуда не возьмись, появился парень с диктофоном.

Селя, не обращая никакого внимания на журналиста, пошел дальше по резиновым коврикам, покачиваясь на коньках.

– Александр, есть так же информация, что вы поедите доигрывать в Европу. Это будет Швейцария? Швеция? А может Финляндия?

Селя усмехнулся и снова проигнорировал вопрос.

– Еще говорят, что вас после завершения карьеры, приглашают остаться в клубе тренером, как вы это прокомментируете? Это правда?

– Молодой человек, всё, что вы говорите, всё правда, – улыбнулся Селя.

– Ходят слухи, что у вас был конфликт с тренерами, как

же вы с ними будете работать?

– Молодой человек, вы слышали, что я сказал. Всё правда. Сложновато, конечно будет, в трех чемпионатах играть и быть еще тренером здесь, но я постараюсь. Всего хорошего, – подмигнул Селя и скрылся в раздевалке.

– А всё таки... – крикнул парень уже в закрывающуюся дверь, но ответа не последовало, – Вот так всегда, – обреченно буркнул он отключая диктофон, – Вечно из этого Селиванова ни слова не выбить, шутки, прибаутки и никакой конкретики. Ну, не все же из этого слухи? Ведь не бывает дыма без огня, что-то же правда?

А правда была в том, что Александр Селиванов – Селя, решил заканчивать с хоккеем.

Во – первых, возраст. Ему стукнуло уже тридцать пять и за плечами были девятнадцать полнокровных профессиональных сезонов. Для обычных мужчин тридцать пять – это самый расцвет, замечательный, созидательный возраст, когда сил еще вагон, здоровых амбиций и азарта хоть отбавляй, но в то же время, уже есть и опыт, и житейская мудрость, которые не позволяют бросаться в омут с головой, пусть даже и в очень заманчивый. Тридцать пять отличная пора для больших свершений и завоеваний. Для спортсменов же тридцать пять – это глубокая старость. Спортивная жизнь скоротечна. Редкие долгожители дотягивали в хоккее до этого рубежа на приличном спортивном уровне. Большинство, и это разумно, заканчивают к тридцати – зачем быть миллионером, ес-

ли ты не можешь пользоваться своими деньгами, заработанными потом и кровью? В тридцать, еще можно сохранить остатки здоровья и подольше пожить белым человеком, если конечно не нюхать, в «блек Джек» не засаживать деньги пачками и яхты и дома в Монако не покупать. Те, кто остаются еще поиграть в хоккей, после тридцати, как правило, доигрывают, доигрывают в заштатных клубах, в пивных лигах, напоминая лишь свою тень от бывшего величия. И лишь единицы до последней сирены выглядят матерыми гладиаторами, ничем не уступающими себе в молодости. Селя был из таких, соль и гордость нашего хоккея.

Саша Селиванов очень рано попал в команду мастеров, молодой да ранний, он ещё ребенком играл только за старшие возраста. С пятнадцати лет был во всех сборных. В шестнадцать, это был, наверное, самый тяжелый год в его карьере, он играл за свой год – за юношей, за старший год – за молодежку, за команду дублеров – их потом начали на новый лад называть фарм-клубами, иногда за мастеров – за первую команду и еще за юниорскую и молодёжную сборную страны, тогда ещё СССР.

В том сезоне, голова шла кругом – его везде приглашали, он много играл, много забивал, много ездил и совершенно забыл, что такое школа. Селя пытался брать с собой в поездки учебники, но это было скорее для успокоения нервов и очищения совести. Не возможно профессионально играть в хоккей и делать что-то еще. Десять месяцев в году ты толь-

ко ешь, спишь, тренируешься и играешь. Еще постоянно куда-то едешь или летишь. Но его это не напрягало, и именно в том, памятном для себя сезоне, когда он впервые попал в команду мастеров, ещё совсем мальчишкой, Селя понял окончательно, что хоккей будет его и профессией, и хобби, и жизнью. В шестнадцать лет он, конечно, не думал, что сможет так надолго задержаться в спорте. Каждый сезон давался соленым потом, а иногда и соленой кровью, причём в самом, что ни на есть прямом смысле. Однако, как бы он не уставал от хоккея в конце чемпионата, как бы не нервировали и не мучили травмы, отдохнув летом пару месяцев, он с нетерпением ждал начала сборов с тяжелыми тренировками, выставочными матчами, не всегда тонкими и удачными розыгрышами, шутками и гусарскими бравадами в раздевалке. Десять лет он пахал от свистка до свистка с умопомрачительными предсезонками, с нагрузками за гранью человеческих возможностей, со сборами, постоянными сидениями на базах, бесконечными поездками, играми, турнирами, тренировками, раскатками, доходило до того, что он просыпался в самолёте и не мог вспомнить, откуда он летит, а главное куда? В ужасе он начинал озираться и успокаивался только тогда, когда взглядом находил знакомые лица партнеров по команде или тренеров:

– А, из Уфы летим в Казань... – вспоминал он и снова проваливался в сон. Даже мозг начинал давать сбои от постоянного переутомления и регулярных нервных потрясений, так

как за один матч игроки и тренеры бывает, что по несколько раз умирают и воскресают. Любая игра может перевернуться, как в одну сторону, так и в другую. Хорошо, когда команда вытаскивает безнадежный матч, все счастливы, в раздевалке торжество и ликование, такие матчи заряжают, сплачивают, а бывает, что команда отдает выигранную игру, не специально конечно, просто все так заплетается: уверенно повели, забили две-три шайбы, расслабились, а соперник от безнадеги обозлился и собрался. Беда, когда такие «камбэки» происходят в финальных или решающих матчах. Шрамы в душе и на сердце, седина на висках, горечь от воспоминаний, остаются на всю жизнь...

Однотипные перроны, аэропорты, гостиницы, полжизни в дороге, в автобусе, в поезде, в самолете и кроме гостиничных номеров, раздевалок и спортивных арен десять месяцев в году не видишь ничего. Как человек можешь пожить всего пару месяцев: май и июнь и за эти шестьдесят дней надо успеть сделать всё, что нормальные люди делают за год. Особенно трудно было, когда Селя учился в институте физкультуры. Кошмаром запомнился отпуск после первого курса и первого полноценного сезона в команде мастеров. В институте Селе, естественно, помог поступить родной клуб. Экзаменов он не сдавал, так для галочки появился первого сентября и пропал на год. В конце апреля, после тренировки его вызвал к себе начальник команды:

– Селя, – спокойно начал он, – Мне звонил твой декан и

сказал, если ты к концу июня не сдашь экзамены и зачеты за зимнюю и летнюю сессии, то тебя отчислят.

Ему предстояло сдать восемь экзаменов и двадцать с лишним зачётов.

Сначала Селя подумал, что Лаврентич шутит. За весь сезон про институт он не вспомнил ни разу, думал, что клуб этот вопрос решит самостоятельно. Однако спросив в раздевалке у других молодых как они сдают сессии, выяснилось, что сдают, и Селя два месяца провёл за книгами, причём, не только дома, но и в библиотеке, ходил по кафедрам, искал преподавателей, сдавал, заваливал, приходил снова и передавал, но это была только часть кошмара. Окончательно Селя наслаждался отпуском, когда он решил получить права, а батя, обрадовавшись, что сын наконец-то дома и у него есть помощник, затеял дома ремонт, а на даче строительство бани. Сессия, занятия в автошколе, экзамены в ГАИ, стахановские темпы ремонта и стройки, батя понимал, что Селя скоро свалит, поэтому работали от рассвета и до темна, плюс нужно было наверстать всё упущенное за сезон с друзьями и подружками: ночью карнавал в клубе, танцы, веселье, девчонки, а утром сруб, побелка или покраска, а ночью опять всё с начала, короче, Селя не мог дожидаться, когда начнутся тренировки и его все оставят в покое. Он думал, что больше такого отпуска у него не будет никогда. Такого больше и не было, но были другие со своими делами, заботами, беготней, всё надо было успеть и при этом ещё и отдохнуть, съездить

на море, прогреть мышцы на солнце, поваляться на пляже, поесть и поспать, сколько хочешь, одним словом, обязательно нужно было организму дать возможность восстановиться, отдохнуть и набраться сил, потому что ему вновь предстоял сезон нечеловеческих нагрузок, запредельных тренировок, стрессов, нервов и ещё ряда малоприятных вещей, которые в профессиональном спорте ни удалось избежать ещё никому.

К таким малоприятным вещам относились травмы, и это была вторая причина, почему Селя решил завязать. За долгие годы в хоккее их подкопилось слишком много. Есть такое понятие как профессиональные заболевания: у библиотекарей развивается аллергия на пыль, у учителей из-за того, что их должен слышать весь класс и они вынуждены постоянно повышать голос – начинаются проблемы с голосовыми связками, у людей науки садится зрение из-за постоянной работы с большим количеством текстов, а у хоккеистов летят мениски и связки в коленях, многочисленные переломы, сотрясения мозга, спинные и паховые грыжи, хроническое переутомление и все это у Сели было. Одних «сотрясыв» – четыре штуки. Прежние переломы, растяжения, сотрясения и грыжи его не беспокоили, но он стал бояться, что могут появиться новые. Одно дело, когда тебе семнадцать лет и на тебе всё заживает как на собаке и совсем другое, когда тебе за тридцать. Восстановление проходит дольше, всё срастается сложнее, а самое главное, с возрастом повышается оценка степени опасности и даже не физически, а эмоционально

травмы переживаешь тяжелее. В тридцать лет, после очередного перелома Селя осознал, что профессиональный спорт – это торговля здоровьем. Так или иначе, но абсолютно все игроки торгуют своим здоровьем! Просто кто-то талантлив, и своё здоровье может продать дорого, ибо переломы, сотрясения и грыжи в хоккее ещё не удалось избежать никому, а кто-то вынужден торговать своим здоровьем за копейки, ну не дал Бог таланта, а кроме хоккея человек ничего больше делать не умеет, ну и не хочет конечно, кто променяет хоккей на что-то другое, вот и мучается, сокращая себе дни, играя, как слоник за орешки на окраинах и помойках хоккейного мира. То, что спорт полезен для здоровья – это миф. Спорт вреден. Это физкультура полезна – аэробные пробежки в парке в выходные по утрам, походы с семьёй на лыжах или в бассейн, футбол во дворе, баскетбол с друзьями, это всё полезно, а вот спортсмены – это чистые гладиаторы, поэтому и деньги профессионалам платят бешенные, потому что деньги эти политы своим потом, а иногда и чужой кровью, и так изо дня в день.

Была и третья причина, почему Селя решил закончить. Он мог запросто ещё пару сезонов играть, задора и сил хватало. Мог заставить себя спокойно относиться к тренировкам, к нагрузкам, к постоянным поездкам. Да и травмы не так уж и сильно его беспокоили. Сколько их было за всю его спортивную жизнь, так что одной больше, одной меньше, ему к ним было не привыкать. Переломы, растяжения, надрывы,

вывихи, восстановление, реабилитация, возвращение спортивной формы – это тоже была часть работы. К травмам он, можно сказать, привык. Новым, конечно, не обрадовался бы, но и драматизировать бы тоже не стал. Хоккея без боли не бывает. Ещё великий Тарасов говорил, что если после игры у хоккеиста нет ни одной шишки и ни одного синяка, то это трус, а не хоккеист. Селя был далеко не трус, и дело было не в переломах. Дело было в семье. Жена устала жить на чемоданах, каждые два-три года муж менял клуб, а это снова новый город, новая чужая квартира, ни родственников, ни друзей, да и дети подрастали, им нужна была нормальная школа, свой дом, очаг, постоянные друзья во дворе, одноклассники, бабушки и дедушки под боком, причем это всё было. Хоккей дал возможность Селе заработать на жизнь. В городе, откуда он был родом, где впервые встал на коньки, и где познакомился со своей женой, он построил шикарный дом, перевез туда своих родителей и родителей жены, посадил сад, завел кошек и собак, но с женой и детьми в своём доме он мог пожить ну в лучшем случае месяц в году. В родном городе он только начинал играть в хоккей, а известным на всю страну Александром Селивановым он стал в сборной и других клубах. Крепкие команды, которые боролись за медали чемпионата страны, содержали хозяева нефтяных вышек и металлургических комбинатов. Хоккей был любимой игрушкой олигархов и очень амбициозных губернаторов, которые лично приглашали звёзд и создавали для них все условия,

вот и колесил Селя, а вместе с ним и вся семья от одного нефтяника к другому.

– Знаешь, чем мальчишки от мужчин отличаются? – как-то поинтересовался Селя в шутку у жены.

– Чем?

– У мужчин игрушки дороже.

Селя был дорогой игрушкой. На жизнь, он уже заработал прилично и это – была ещё одна из причин, почему он решил, что этот сезон для него станет не крайний, а уже последний. Хоккеисты, как и спецназовцы, никогда не говорят последняя – последняя игра, последняя тренировка, последняя поездка. Всегда говорят крайняя. Зачем гневить судьбу, а то скажешь: «Я в последней игре две забил», а на следующей же тренировке повредишь спину, или шею, или колено, и больше уже никогда на лед не выйдешь. Вот и получится, что и впрямь, в «последней» игре две забил, а мог бы еще играть и играть, хотя, кто знает...

Естественно, как истинный спортсмен, а потому человек суеверный, Селя никому ничего не сказал, а словосочетание «последний сезон» не произнес бы даже в пустой комнате, хотя ему всё тяжелее и тяжелей было заставлять себя биться в кровь на льду, бегать кроссы и ворочать штанги. Он был богат и давно уже мог вести другой образ жизни, без поездок, без тренировок, без шишек и ушибов. Мог жить в своем доме с семьёй, заняться каким-нибудь бизнесом со скуки, растить детей, путешествовать, но он считал, что это всё он

ещё успеет. На это будет вся жизнь после спорта, а вот в хоккеей поиграть скоро уже будет невозможно. Молодые подпирают, да и сил и желания играть с каждым годом всё меньше и меньше, а на восстановление времени нужно всё больше и больше. Если раньше он мог даже накануне игры всю ночь отжигать в ночном клубе, а затем, поспав пару часов, нормально выйти на утреннюю раскатку и вечером великолепно отыграть игру, то теперь соблюдая спортивный режим от и до, сна и выходных, которые давали тренеры между играми и тренировками, их ему не хватало. На полное восстановление требовалось значительно больше времени, а его ему никто дать не мог. Против природы, а точнее физиологии не попрешь. Постоянное недо восстановление привело к хронической усталости, а как следствие – раздражительности. Селю раздражало и бесило всё: постоянное куриное мясо в день игры; партнёры по команде, одни и те же лица, с которыми он был вынужден находиться круглосуточно, годами, день изо дня; прокуренные гостиничные номера; молодые, которые рвали в состав и грубо играли против него на тренировках; раздражали неточные пасы, которые были не в клюшку и так далее, и так далее и так далее... В один момент он понял, что переламывать себя больше не может, а главное не хочет. Последней каплей стала утренняя тренировка тридцать первого декабря. Второго января команда улетала на игры, поэтому накануне праздников тренеры объявили, что тридцать первого утром тренировка, и первого тоже:

– Поэтому вы подумайте, – добавил главный тренер, – Находясь за праздничным столом... – он сделал паузу и многозначительно обвел всю раздевалку взглядом, – Чего и сколько вы себе можете позволить.

– Мы разберемся, – еле сдерживая маты, – раздраженно сказал Селя, – Для чего тренировка в Новый год? Понятно первого января, перед выездом, нет вопросов, но не лучше ли будет, если мы выспимся дома и весь день перед новым годом проведём с семьями?

– Селиванов, – обрубил главный, – Станешь тренером, тогда и будешь решать, что лучше. Встречаемся тридцать первого.

Селя отлично понимал, что это выступление, не смотря на имя и заслуги тренеры ему не простят, поэтому он сам зашёл в тренерскую, извинился и сообщил, что этот сезон последний, он доиграет и уедет домой. Для профилактики его немножко повоспитывали, дескать, он ветеран и должен думать, что и где можно говорить, а чего нельзя, никогда. Селя ещё раз извинился, вернулся в раздевалку и сообщил о разговоре с тренерами.

Проводы Селе устроили шикарные. Последний матч в сезоне был домашний. Все знали, что Селя уходит, поэтому команда победила, а партнеры по тройке все три периода играли исключительно на него, и в ворота гостей, под рёв болельщиков, Александр Селиванов отправил две шайбы. После sireны и рукопожатий Селю подхватили на плечи, тор-

жественно провезли круг почета под аплодисменты переполненных трибун и унесли в раздевалку. Затем банкет, суета, сборы и уже через три дня Александр Селиванов проснулся в своем доме, в своей спальне в прекрасном настроении. Никуда не надо было спешить, не надо было торопиться на тренировку, никаких штанг, кроссов, никаких свистков, режима, расписания по минутам...

Селя в ужасе зажмурился. Только сейчас до него дошло, что девятнадцать лет, большую часть своей жизни, он жил по расписанию и никуда нельзя было опоздать. Нравы в хоккее жесткие, если опоздал – штраф сто долларов. Если опоздал в день игры – пятьсот, если игра плей-офф – тысяча, и это при том, что у хоккеистов чрезвычайно насыщенное расписание и вероятность опоздать куда-либо просто космически велика!

Селя поморщился и вспомнил свой рядовой, будний день, когда команда жила, а точнее была заперта на базе:

Подъем – 7-30.

Выход на зарядку – 8-00.

Завтрак – 8-30.

Отъезд на тренировку – 9-00.

Выход в зал на сухую разминку – 9-30.

Выход на лед – 10-00.

Окончание ледовой тренировки – 11-15.

Начало тренировки в тренажерном зале – 11-30.

Окончание «штанги» – 12-30.

Заминочный кросс – 12-40.

Отъезд на обед на базу – 13-15.

Обед – 13-30.

Дневной восстановительный сон – 14-00 – 15-30.

Полдник – 15-45.

Отъезд на вечернюю тренировку – 16-00.

Сухая разминка – 16-30.

Выход на лед – 17-00.

Окончание ледовой тренировки – 18-15.

Начало силовой подготовки в тренажерном зале, или баскетбола, гандбола, флорбола в игровом зале, или еще какой-нибудь подвижной работы «на земле» – 18-30.

Отъезд на ужин на базу – 19-30.

Ужин – 20-00.

Перед отбоем может быть еще собрание, просмотр на большом экране игр соперника, теоретическое или тактическое занятие, как соперник играет в большинстве, активно или пассивно в меньшинстве, как начинает атаку, как выходит из зоны... и только после этого ты начинаешь принадлежать самому себе, однако, даже когда уже пошло личное время, мысль ни дай Бог куда-нибудь опоздать, все равно сидит в тебе и ты по-прежнему собран и сосредоточен. Привычка, точнее профессиональная деформация, ибо из о дня в день ты живешь по расписанию, неделями, месяцами, годами. Ежедневно двадцать – двадцать пять пунктов расписанных по минутам, причем не важно, летние это сборы, до-

машинные игры, когда команда живет на базе, или выездные матчи, когда база меняется на гостиницу. Двадцать с лишним пунктов остаются неизменными, с той лишь разницей, что утренние тренировки в день игры меняются на раскатки, а вместо вечерних тренировок сами матчи, то, ради чего так жестко поддерживается дисциплина в командах. Все пахнут ради очков и побед, безропотно, ни на что не отвлекаясь.

Селя с молодых ногтей расписание соблюдал от и до, но в любой команде есть ребята, которые, не смотря на всю строгость правил и немалые штрафы, все равно умудряются каждый день куда-нибудь опаздывать, а иные и по нескольку раз в день. Именно они являются «генеральными» спонсорами новогодних банкетов, или банкетов по случаю окончания сезона. Система штрафов поддерживает не только дисциплину в команде, но и здоровую атмосферу, что не менее важно, особенно, когда чемпионат подходит к концу и все устали не только от физических нагрузок, но и друг от друга. Штрафы прекрасны тем, что тренерам «хроников» не приходится ругать, воспитывать, взывать к совести, дескать, такой большой, столько лет в хоккее, чемпионом уже был, весь в заслугах и медалях, а все опаздываешь как мальчик, вечно тебя ждем, нас нервируешь, команду, сколько это можно терпеть, наверно пора прощаться... Или того хуже, когда слова покрепче и обороты пожестче, доходит до оскорблений и обид, совсем не детских, команда начинает заступаться за игрока, тренеры, в отместку, подворачивать гайки, что-

бы бунтовать неповадно было никому и весь сложный механизм, с таким трудом отлаженный и настроенный, разбивается и разлетается на отдельные шестеренки и пружинки, а когда есть штрафы, не надо никого отчитывать, не надо ни с кем портить отношения, вместо этого, с улыбкой, просто озвучивается сумма и провинившийся, не оправдываясь, ничего не объясняя и не доказывая, не краснея, спокойно идет и отсчитывает казначею деньги.

Казначеем, как правило, назначают начальника команды, который принимает деньги, всё записывает и ведет кассу. В конце сезона, чтобы никому не было обидно, что эти деньги кто-то себе присвоил, закатывается банкет и пока все еще трезвые, казначей под шквал шуток, свист и аплодисменты называет самого главного спонсора команды. Поэтому, в классных командах, где сильный и здоровый дух, когда кто-то куда-то опаздывает или что-то нарушает, по раздевалке, тренажерному залу, ледовой площадке, ресторану или автобусу, в зависимости, куда человек опоздал, прокатывается одобрительный шум и слова благодарности. Все это естественно в шуточной форме и таким образом достигается самое главное – железная дисциплина и дружелюбная атмосфера, когда не клеймят паршивую овцу, а все переходит в юмор, шутки, задиристый и боевой настрой. Парадокс, штрафы не создают обиженных, и не разобщают, а наоборот, делают из команды единый кулак, способный крушить и пробивать любые препятствия.

Селя за всю свою спортивную жизнь опоздал лишь однажды. Когда он под одобрительный гул появился в раздевалке, то демонстративно подошел к начальнику команды, отсчитал сумму в два раза больше положенной, и театрально вручив её, сказал: – Ребята, для вас, ничего не жалко!

Команда аплодировала стоя, а эта история быстро разлетелась по разным клубам и стала байкой, которую тренеры с удовольствием рассказывали молодым игрокам в воспитательных целях – раз в жизни человек опоздал и так красиво поступил, вот, что значит профессионал, потому он и звезда, потому Сашу Селиванова вся страна и любит...

Селя с улыбкой вспомнил несколько хронических спонсоров в разных командах, невероятные истории, связанные с ними, с удовольствием полежал еще в кровати и прочувствовал каждой клеточкой своего мозга, как это прекрасно принадлежать самому себе, не спешить, не опаздывать и не жить по минутам.

Первый месяц Селя занимался домом. За много лет, что-то подржавело, что-то надо было подкрасить, что-то заменить. За домом конечно следили, но не так, как это делал бы хозяин и Селя испытывал просто физическое удовольствие от ремонта, покрасок, покупок и замен. Затем еще два месяца с семьей Селя ездил с одного моря на другое, отдыхал, всем чем мог баловал жену и детей. Потом наступила осень, дети пошли в очередной раз в новую школу и тут Селя впервые в серьез задумался, а что дальше?

Вдруг, неожиданно он выяснил, что ему не хватает по вечерам приятной боли в мышцах, привычной пульсирующей ломоты в его железном теле, после хорошо проделанной работы на льду или в зале, ему не хватает спокойствия и удовлетворения от выигранных матчей, вдруг до него дошло, что он уже никогда не услышит одобрительного гула стадиона, после удачных финтов и не увидит, как вскакивают на ноги трибуны, после мастерски забитой шайбы. Не хватает громкой музыки в раздевалке, не хватает переговоров партнеров на лавке, все коротко, все солидно, все по делу, все измочалены, выжаты, губы синие, дыхание сбито, пульс подвести, но все готовы умереть друг за друга, если понадобится. В конце концов, он привык все время куда-то ехать, лететь, любил, словно император, рассматривать сверху «разоренные, разграбленные и брошенные» города после уверенных побед или злился, покусывая губы, и сам себе обещал обязательно поквитаться в следующий раз после проигранных матчей. Не хватало много чего. Не хватало привычной жизни и неизвестно, куда бы его эти мысли привели: к стакану, как многих или к продолжению карьеры, но всё изменилось в одно обычное утро.

Зазвонил телефон. Звонил мэр. Селя был звезда, и его несколько не удивило, когда на том конце провода приятный, но уверенный женский голос сообщил, что его беспокоят из приёмной городского главы и с ним хочет поговорить Мартынов Николай Петрович.

Мэр был краток и конкретен. Он поблагодарил Селю за то, что он не уехал жить в Москву или за границу, как многие успешные спортсмены, а вернулся в родной город, к истокам, туда, где начинал. Сообщил, что дворовая коробка, где Селя делал свои первые шаги на льду, сохранена и полноценно функционирует. Более того, она стала одной из достопримечательностей, потому как на ней вырос знаменитый нападающий, голеодор и любимец всего города Саша Селиванов. Затем мэр пригласил Селю в администрацию, сказав, что хочет познакомиться лично со звездой отечественного хоккея и, между прочим, дал понять, что для мастера спорта международного класса Александра Селиванова есть несколько предложений.

Тогда Селя не почувствовал, насколько это был судьбоносный звонок. Озарение пришло непосредственно на встрече с Мартыновым в стенах администрации.

Селя пришел в назначенное время. У входа в мэрию его уже поджидали журналисты.

Селя очень не любил прессу. Любую. За многие годы своей успешной карьеры он дал сотни, а может и тысячи интервью, но его всегда раздражали в больших и малых акулах пера две вещи. Первая, журналисты всегда плохо готовились к интервью, задавали одни и те же вопросы, или вымучивали их, сочиняя на ходу, от чего разговор был не интересен, и общение тяготило всех участников процесса. Все превращалось в формальность. Один должен был, что-то спросить,

а второй, что-то сказать. Скука и пустая трата драгоценных минут жизни, особенно, когда эти минуты расписаны на годы вперед. Вторая, это неуместность времени и места. На Селе было просто, какое проклятие, с ним всегда хотели поговорить сразу после игры, когда он так сказать в «образе». И не короткое блиц интервью, а развернутое, большое, с кучей не относящихся к хоккею вопросов и это тогда, когда он мокрый, бледный, сердце из груди вырывается, пульс за пределами человеческих возможностей, после жесточайшего стресса во время матча, потому что хоккей такая игра, где даже на последних секундах все может перевернуться, а он звезда, у него самый большой в команде контракт, он как никто ответственен за результат, ему бы в раздевалку, присесть, попить водички, успокоиться и начать снимать форму.

Бывали такие игры, что он по двадцать минут сидел в раздевалке на своем месте и не мог даже пошевелиться, не то, что начать развязывать коньки и переодеваться... А тут, когда подгибаются ноги, еле-еле восстанавливается дыхание, мыслями ты по-прежнему весь в игре, она еще не отпустила, тебя спрашивают, что ты думаешь об отставке правительства? Или, кто герой нашего времени? Какие театры и спектакли он предпочитает? Есть ли у него домашние животные? И эти вопросы задаются тогда, когда нервная система оголена, а физическое состояние такое, что для среднестатистического человека врачи констатировали бы смерть. Как относиться к таким вопросам, и к таким журналистам? Поэто-

му и рождается стереотип, что все спортсмены тупые. И все невоспитанные хамы.

– А вы попробуйте пробежать десять километров и выбежать хотя бы из сорока минут. Уверен, вы на финише, если добежите, конечно, свой адрес не вспомните, не говоря уже об ответах на те вопросы, которые вы мне сейчас задаете, – сказал как-то Селя в одном телевизионном интервью, когда он взмыленный уходил со льда после драматично проигранного матча. Точнее это не было интервью, журналистка шла за ним не отставая, задавала вопросы, красовалась перед камерой, пыталась показаться умной, ну Селя и не выдержал. На ту беду, это был прямой эфир, и Селин выпад увидела вся страна. Самое интересное, за это болельщики стали любить его еще больше, но с тех пор Селя прессу игнорировал.

Вот и перед мэрией, он вежливо со всеми поздоровался, но от общения отказался.

– Зря я сюда пришел, – подумал Селя, быстрым шагом поднимаясь по парадной лестнице, – Сейчас еще мэр начнет на что-нибудь деньги просить, не зря же журналисты меня поджидали, – скептически вздохнул он, подходя к приемной.

Но Селя ошибся. Мэр был болельщик, страстный любитель хоккея и Селин фанат. Он с восхищением рассказал, какую гордость испытывал за своего земляка, когда Селя забивал судьбоносные и переломные шайбы за клубы, за сборную. Как переживал, когда у Сели были тяжелые травмы и как, радовался, когда Селя возвращался и снова становился

неудержимым Александром Селивановым, кашмаром вратарей и занозой для защитников.

Селя выдохнул. Он не ожидал такого теплого приема и постепенно, восторги мэра перешли в обычную беседу двух мужиков, о жизни, перспективах и планах.

– Прикинь, Наташ, – вечером рассказывал Селя жене, – Мартынов мне предлагает в этом сезоне пойти помощником к Кочерову, к Василичу. В молодежную лигу, он главный тренер в фарм-клубе.

– Это тот, который тебя в детстве тренировал?

– Да, тот самый, – Селя улыбнулся, – Тот еще был тренер, вечно небритый, с похмелья. Одно время запил так, что ковры из дома выносил и продавал. Потом одумался, зашился. Но это уже без меня было, мы с тобой тогда уже в Москве жили.

– И, что, согласишься? Зачем тебе это? – Наталья присела рядом к мужу. – Разговор ведь будет долгий?

– На тренировках у Василича всегда одни и те же упражнения были. Мы их с закрытыми глазами могли сделать. Методист он был, конечно, никакой, но вот в игре мог подсказать. Любил хоккей и понимал, мы и росли, считай, только на его советах, а не на тренировках.

– Саш, не увиливай, – жена улыбнулась, – Я вопрос задала, ты что, уже все решил, уже согласился?

– Наташ, Мартынов предлагает поработать с Василичем первый год, набраться опыта...

– Сань, – перебила жена, – Ты себя слышишь? Тебе, игроку сборной, Селиванову, – Наташа даже привстала, – учиться у пьяницы? Может ему надо у тебя поучиться?

– Наташа, это первый год. Надо с чего-то начать. Мартынов предлагает возглавить на следующий сезон молодежку, а еще через сезон в первую команду. Ему надоели варяги. Приглашенные тренеры – это сезон-два, не результата, ни пацанов наших в команде, свои дела решают, сваливают и после них ничего, пустота, выжженная земля. Приезжает следующий и все сначала. Я-то знаю, как это делается. Каждый тренер своих игроков две-три пятерки притаскивает. Только им плевать и на город, и на результат, и на хоккей и на болельщиков. Денег напластают и как гастролеры в следующий клуб... Мартынов реально за хоккей болеет. Он мне так и сказал, ты парень уже богатый, еще молодой, амбициозный, настоящий спортсмен и герой, ты будешь работать не за деньги, их у тебя и так хватает, тебе будет важен результат, вот и поднимем наш клуб, хороший стадион построим.

– Опять поездки, опять тебя дома неделями не будет... Вчера в церковь ходила, свечки ставила, благодарила, что семья обрела дом и покой, – глаза Наташи увлажнились.

– Сглазила! – Селя улыбнулся.

– Сглазила, – согласилась Наташа и тоже улыбнулась.

Она знала, что её муж не из тех, кто будет счастлив лежать дома на диване, ездить на рыбалки и встречать детей из школы. Её муж Александр Селиванов, мужчина, победитель, ха-

раक्टर и несгибаемая воля. Она была уверена, что закончив играть, чем бы Саша не занялся, у него обязательно получится. И не ошиблась. Селя в молодежной лиге помощником поработал всего несколько месяцев, затем принял основную команду и через три сезона вывел её в главную лигу страны. Мартынов тоже сдержал слово и построил прекрасный современный спорткомплекс сразу на три хоккейных площадки, чтобы и мастера и мальчишки имели все необходимые условия для тренировок и роста. На Селю снова обратили внимание владельцы нефтяных вышек и металлургических комбинатов. Его приглашали возглавить самые богатые клубы страны, но Селя не соглашался.

– Буду работать только дома, пока с родным клубом не выиграю медали, из своего болотца ни нагой. Если куда и поеду, то только помощником в сборную, – позиция Сели была непоколебима.

Прошло еще пару лет. Селя со своей командой медалей так и не выиграл, а вот помощником в сборную его пригласили. Он естественно согласился. Ему было интересно, теперь уже в ранге тренера поработать с лучшими ребятами страны, к тому же, с некоторыми он еще играл сам и был отлично знаком. Каждая отлучка в сборную вдохновляла его и предавала новых сил и идей в работе со своей командой. Селя по-прежнему не давал интервью и не общался с прессой. Исключения составляли только официальные послематчевые пресс-конференции, которые Селя как главный тре-

нер должен был посещать обязательно.

В Петербурге, в очередном туре, его команда уверенно обыграла армейцев, Селя в прекрасном настроении ответил на вопросы журналистов и направлялся к автобусу. Это была заключительная игра пятиматчевой выездной серии, команда из поездки везла семьдесят процентов очков, что было совсем не плохо, а главное, что через час отъезд, затем ужин, аэропорт, и к утру, он будет дома.

– Александр Николаевич, извините... – услышал Селя сзади и обернулся.

К нему быстрым шагом подходила молодая, очень красивая девушка.

– Да, – Селя про себя ухмыльнулся, потому, что прошли те времена, когда на катках и стадионах с ним знакомились девчонки.

– Меня зовут Лиза, – я хотела бы у вас взять интервью.

– Шикарная вы девушка Лиза! – Селя улыбнулся, – Просто красавица, – Селя это сказал искренне, даже по-отечески, – Но я, не даю интервью, простите, – Селя собрался было уйти, но девушка даже и не думала сдаваться.

– У меня очень интересная тема, я хочу написать про суеверия в хоккее, – выпалила она, понимая, что Селиванов сейчас уйдет. Если он отвернется и пойдет, то она уже его не остановит и не уговорит.

– Это ничего не меняет.

– Александр Николаевич, я студентка, меня взяли в газету

стажером, все знают, что вы не даете интервью, в редакции даже тотализатор устроили, одна я на себя поставила, – не отступала Лиза, но Селиванов уже отвернулся и пошел.

– Ну, пожалуйста, ну будьте человеком, сделайте исключение, меня пообещали взять в штат, если я смогу с вами сделать классный материал.

– Сожалею.

– Я ваша землячка, мы с вами из одного города, вы же Саша Селиванов, вы же Селя, у меня вся семья вас любит! Ну, помогите, вы же тоже были молодым, вам же тоже помогали!

Это был крик души, фол последней надежды. Лиза понимала, если и это не подействует, то уже ничего не поможет.

Селя не остановился. Он улыбнулся.

– Настырная девчонка, да еще и красотка, далеко пойдет, – подумал он, – А с другой стороны, она ведь права, когда я пришел в команду мастеров и Сэм, и Скорый, и Буба, и Пижон, все ведь были известные игроки, а все помогали, играли на меня, давали возможность забить.

Селя остановился. Посмотрел на часы и сказал не оборачиваясь:

– Лиза, могу вам уделить не больше тридцати минут. У нас скоро отъезд в гостиницу, а затем самолет. Пока команда собирается и грузится в автобус, можем с вами поговорить.

– Ура-а-а! – закричала Лиза, уже не надеясь на благоприятный исход, и на каблуках помчалась за Селей.

Селя пригласил девушку в кафе. Заказал себе чай, а ей

кофе и мороженое.

– Может, ты есть хочешь? – поинтересовался Селя.

– Нет спасибо, вы наверно хороший отец, – улыбнулась Лиза.

– Надеюсь, – Селя тоже улыбнулся, – Ну, давай свои вопросы.

– Да у меня даже не вопросы, а скорее просьба, чтобы вы рассказали о своих приметах, суевериях, может, есть какие-то традиции, ритуалы перед игрой, тренировкой или важным матчем, – она улыбнулась. – Может, вы какую-нибудь историю расскажете из вашей практики, когда вы были игроком? Есть ли какие-нибудь суеверия, которые вы соблюдаете до сих пор, когда вы уже тренер? Хотелось бы написать, что-то необычное, может, вы расскажете какие-то детали, которые знают только посвященные, может про какие-нибудь талисманы в раздевалке у вас были тогда и может, есть сейчас? Что вы делаете или не делаете на фарт? С какой ноги коньки одевали, с какой на лёд выходили, давали ли кому-нибудь свои клюшки поиграть...

Селя с удовольствием смотрел на свою толковую и красивую землячку. Он уже перестал её слушать, а думал о том, что время идет, а ничего не меняется. Вот и он когда-то, оперился, и уехал. Прошел не легкий, местами даже тяжелый и неподъемный путь, заматерел, состоялся. Теперь Лиза. Из маленького уральского городка, приехала в Питер, в мегаполис, учится, старается кем-то стать и у неё обязательно по-

лучится, умная, хваткая, дерзкая... Придет время и его дети вылетят из гнезда, и нет нужды их удерживать. Каждый может прожить только свою жизнь...

– Вы меня слушаете?

– Да Лиза, я тебя слушаю.

– А мне показалось вы где-то далеко.

– Нет, я здесь, – Селя еще раз окинул красавицу взглядом, помолчал и неожиданно спросил, – А ты на какой улице жила?

– На Ленина, – смутилась Лиза.

– А школу какую заканчивала?

– Двадцать вторую...

– Возле базара?

– Да.

– А моя рядом была...

– Я знаю, – перебила Лиза, – Вы в седьмой учились, у вас спорт-класс был.

– Верно, – теперь уже смутился Селя, – А ты откуда знаешь?

– Ну, кто у нас не знает, где учился Саша Селиванов.

Селя еще больше смутился.

– Все никак не могу к этому привыкнуть. Я ведь совсем мальчишкой уехал, только друзей во дворе, да в команде знал, а сейчас куда не зайду, со мной везде здороваются и в магазине, и на улице... Первое время смущался, даже не по себе было, а теперь тоже со всеми здороваюсь, людям при-

ятно, улыбаются. А где родители работали?

– Отец в депо, машинист, а мама в школе...

– Дай угадаю, русский язык и литература.

– Да. – Лиза вскинула свои красивые брови, – А как вы догадались?

– Журфак, Питер, кто-то же тебе любовь к этому всему привил.

– Точно, – Лиза слегка покраснела, – Вы такой проницательный...

– Для спортсмена ты хотела сказать?

– Ну, да, вы только не обижайтесь, – мгновенно вспыхнула она.

– Да ладно, – Селя улыбнулся, вспомнив, как предлагал пробежать десятку журналистке на всю страну, – Я тебе открою тайну, – Селя сделал паузу и снова улыбнулся, – В спорте одними мышцами побед и результатов не достичь. Все великие спортсмены, по-крайней мере из тех, кого я знаю лично, это умнейшие ребята. Просто так получилось, что они попали в спорт. Они могли бы и ракетные двигатели строить, и командовать заводом, фабрикой или полком, просто так вышло, что они стали хоккеистами, борцами, гимнастами. Спорт – это очень конкурентная среда, там выделиться еще сложнее, чем в обычной жизни, поэтому забудь стереотип, что все спортсмены дибилы. Это далеко не так.

Лиза опустила глаза, – Я так и не думаю.

– Ну и молодец, растаяло твое мороженое, может новое

заказать?

– Нет, спасибо, с вами так интересно... – Лиза увидела, что к Селе сзади подошел очень представительный мужчина и замолчала. Он сказал Селе, что-то на ухо и Селя встал.

– Лиза, мне надо идти.

– А интервью?

– Давай так, я понял, что тебе надо. Дай мне свою «электронку», а я тебе напишу, и сделаешь отличный материал.

– Правда? – Лиза с недоверием посмотрела на Селю, но на всякий случай адрес почты написала.

– Правда, – Селя улыбнулся, – Мы же с Урала, должны помогать друг другу.

В самолете Селя думал поспать, но заснуть не получилось. Он достал ноутбук и решил написать письмо Лизе.

– Здравствуй Лиза, – начал он, – Я не мастер писать и излагать, но надеюсь, мое сочинение тебе поможет:

Коньки одевать только с левой ноги(так удобней). Накануне игры не бриться (на фарт). В плей-офф не бриться вообще(по определению). В автобусе и в раздевалке сидеть только на своем месте (на фарт). Чужую форму и клюшки трогать нельзя (аура). Перед игрой никаких интервью и фото (на фарт). Надевать форму и выходить на лед только так, как привык и никак иначе (на удачу). Перед дорогой ногти не стричь(плохая примета). Медали обязательно обмывать(чтоб и дальше водились)... И так далее, и так далее и тому подобное.

Удача, фарт, везение, они так много значат для игроков, что они относятся архи серьезно к суевериям, своим привычкам и прочим вещам, которые обычному человеку могут быть не понятны. Я человек не суеверный, но во всех командах где был, соблюдал все условности и традиции, которые были приняты в той или иной раздевалке, потому что если кто-то, что-то не соблюдает, то это уже не команда.

Кстати, не все суеверия взяты с пустого места. Многое можно объяснить. Например, игроки не дают интервью перед играми. И правильно делают. Никому неизвестно, как сложится матч и, можно сказать, что ты в порядке и твоя команда победит, а все произойдет наоборот и над тобой все просто посмеются, начиная от партнеров в раздевалке, заканчивая болельщиками на своих диванах с газетами в руках. Спорт непредсказуем, тем и прекрасен. Все происходит on-lain, только здесь и сейчас, невероятные чудеса и большие и маленькие трагедии. Никто ни в чем не может быть уверен до финальной серены.

Еще немного здравого смысла.

Как я уже упоминал, игроки не разрешают себя фотографировать перед выходом на лед, причем не важно, игра это или рядовая тренировка. А все просто, сфотографировался, выскочил на лед и получил травму лица, увечье, с которым остался на всю жизнь, а та фотография была последней, когда ты выглядел как человек, совпадение скажешь, возможно, но случаев таких хоккей знает не мало. Люди, которые

отправляются на войну, тоже не дают интервью и не разрешают себя снимать и фотографировать, зачем увековечивать себя раньше времени. Поэтому суеверия – это тонко, хотя и бреда хватает. Уж с чем, с чем, а с глупостью у нас проблем никогда не было.

Бывает так, игрок стабильно забивал и набирал очки в каждой игре, его обожают болельщики, боготворит пресса, уважают партнеры, дают поблажки тренеры, и тут он дает интервью перед рядовой игрой со слабенькой командой, так пустячок, и неожиданно, его жизнь с каждым следующим матчем превращается в кошмар, чем дальше, тем больше. Не забивает, не отдает, тренеры недовольны, садят на лавку, когда дают играть, его начинает трясти и в итоге все валиться из рук. Не получается ровным счетом ничего. Бедняга начинает искать причины во всем: в себе, в партнерах, в тренировках, в тренерах, что не так? Вроде ты тот же, выходишь в каждом матче забивать, а результата нет. Очков нет. Зато есть мелкие травмы и депрессия. Что-то сбилось, сломалось, надломилось. Интуиция подсказывает, что что-то делаешь или сделал не так. Ах да! Этот журналистишка(без обид). Интервью перед игрой. Все дело в нем... Глупость конечно. Но так уж человек создан. Так устроена психика. Нужно за что-то зацепиться. Все имеет объяснение. Просто это что-то надо найти и за это зацепиться, чтобы выкарабкаться, вывернуться и все направить в прежнее русло. Человек не может жить без веры, в том числе и веры в то, что он нашел причи-

ну своих неудач и теперь, когда он её знает, он все изменит. Короче, рассуждать о том, что есть суеверие, а что здравый смысл можно бесконечно. В спорте они есть и будут. К этому нужно подходить тонко, как и ко всему в жизни. Ибо, чем человек талантливей, тем он тоньше чувствует ситуацию и совсем не важно, чем он занимается – искусством, или оперативно розыскной работой. Чем тоньше чувствует и понимает, тем больше шансов не ошибиться, а значит добиться успеха и результата.

Тема суеверий меня однажды сильно заинтересовала. Все произошло случайно. Повторюсь, что я в них никогда не верил, а потому и никогда о них не думал, пока однажды не произошло нечто для меня неожиданное.

Дело было так: я был молодой тренер, только начинал. Это был мой первый сезон. Я работал помощником главного в фарм-клубе. Помогал тренировать пацанов от семнадцати до двадцати двух лет. Мы неплохо начали сезон, первые десять туров шли в пятерке, ребятам нравилось выигрывать, мы все очень старались, и главное, у нас получалось побеждать, кстати, вопреки всему. Тренировки и подготовка к играм у нас были, без слез не взглянешь, играли и выигрывали только за счет того, что хорошие, мастеровитые ребята в тот год собрались в команде. По поводу тренировочного процесса, я давно уже хотел поговорить с главным тренером, но пока выигрывали, не имело смысла. Команда побеждает, берет очки, значит, он все делает правильно.

Накануне отъезда на очередные матчи у нас забрали пять человек в первую команду. Ничего страшного, решили мы с Василичем, главным тренером, и объявили ребятам, что в поездку едут три пятерки и несколько запасных. Команду соперника мы обыгрывали в межсезонье дважды и очень крупно, поэтому решили, что даже не боевым, не оптимальным составом, все равно справимся. Нам предстояло сыграть две игры. В день отъезда, мы с Василичем погрузили наши перчатки, коньки и теплые костюмы в баул и на правах «молодого», взяв клюшки, я все отнес в автобус и уложил вместе с формой ребят. Приехав, с дороги, мы сразу отправились на стадион на раскатку. В нашей гостевой раздевалке тренерской не было, поэтому я поставил баул в угол, чтобы не мешать ребятам, раздевалка была маловата, и тем самым занял два места, где мы с Василичем переодевались и готовились к раскаткам и играм.

Первую игру мы проиграли. Здорово начали, но в дебюте матча не забили сразу несколько стопроцентных моментов и наши соперники поверили, что сегодня не наш день, что сегодня у нас ничего не получится и, к нашему сожалению, завелись и побежали как бешенные. Мы попытались за ними угнаться, но к третьему периоду мы проигрывали уже три-ноль. В конце игры мы ошетинились, огрызнулись и забили две шайбы. Три-два для хоккея очень скользкий счет. Мы собрались из последних сил. Несколько смен провисели на их воротах, затем сняли вратаря и к радости местных болель-

щиков пропустили на последних секундах вшестером. Игра закончилась четыре-два. Проходя мимо раздевалки хозяев, я слышал их радость и ликование. Ничего, подумал я, завтра поквитаемся.

После ужина в гостинице, в номере Василича мы посоветовались, поменяли тактику и слегка передернули состав. Утром на раскатке мы все отрепетировали и в нашей победе я не сомневался. После раскатки я собрал все тренерские вещи в баул, чтобы вечером после игры его взять и уже собранный унести в автобус. Расстегнутый баул я поставил недалеко от выхода из раздевалки, чтобы наш угол могли занять ребята и расположиться покомфортней. Застегивать его не стал потому, что вечером перед игрой хотел туда положить полотенце, которое сохло на двери душа. После каждого выхода на лед, даже если я там был всего несколько минут, я обязательно иду в душ.

Второй матч, как и первый, начался под нашу диктовку, только на этот раз мы забили. В прекрасном настроении, при счете ноль-один, мы пришли на первый перерыв. Ребята играли неплохо, мы им об этом сказали и объяснили, в чем надо добавить во второй двадцатиминутке. До выхода на лед у нас оставалось минут шесть. Команда сидела в спокойном расслабленном состоянии. Все готовились к продолжению битвы.

Чтобы не терять время зря, я решил снять подсохшее полотенце и положить его в баул. Так и сделал, а затем застег-

нул молнию и переставил баул подальше от прохода, чтобы он не мешал ребятам выходить из дверей.

– О, у нас новичок! – сказал кто-то из игроков, кивая на баул. Тогда я на эту фразу не обратил никакого внимания.

Времени до выхода осталось минуты две. Ребята зашевелились, начали поправлять форму, протирать стекла у шлемов, подтягивать шнурки на коньках.

– Николаич, ты, что первый день в хоккее? – неожиданно грубо обратился ко мне Василич. Мало того что грубо, так еще и при игроках.

Раздевалка замолчала. На секунду повисла тишина.

Я не понял, что происходит и вопросительно, даже можно сказать с вызовом посмотрел на Василича.

– То есть?– напрягся я.

– Зачем ты застегнул баул? Ты, что не знаешь, что во время игры этого делать нельзя? Ты, что первый день в хоккее?

– Ни первый, – пытаюсь сохранять спокойствие, ответил я, по-прежнему не понимая в чем дело. Мой тон остудил Василича и он уже более спокойно мне сказал, – Никогда так не делай, примета плохая. Застегнул баул, значит все, игра окончена.

Раздевалка зашевелилась, все выдохнули.

– Хочешь я его расстегну?

– Да не надо уже, всё ребята, пошли, – обреченно сказал главный тренер и, поникнув, первым вышел из раздевалки. Команда в суровом молчании двинулась на лед.

Я выходил из раздевалки последним. Кинул взгляд на баул и про себя подумал, не дай Бог мы проиграем.

Мы не просто проиграли. Нас разорвали и перебили. Второй и третий периоды мы проиграли вчистую. Мы и близко не показали той игры, которая у нас получалась в первые двадцать минут. Было много мелких травм, а одному из наших ребят, у борта серьезно повредили спину. Я видел момент удара, слышал его крик и сразу понял, плохо дело. Парня, со льда, под стук клюшек и аплодисменты трибун унесли на носилках и увезли в местную больницу. Мы бездарно доиграли игру и с нулем очков покинули лед. Так завершился тот выезд.

На обратном пути домой после тяжелых игр весь автобус спал. Я смотрел в темноту и думал: суеверия, приметы, никто не против. Но мы проиграли не из-за того, что я застегнул баул. Мы отвратительно играли второй и третий период. Они забивали, а мы с каждой пропущенной шайбой разваливались все больше и больше. Все можно объяснить, но факт остается фактом. Мы проиграли. В тот вечер я не стал суеверным, но больше, ни в одной раздевалке я во время игры баул не застегну.

Кстати с Василичем, после того матча мы разругались. Уже дома, перед выходом на тренировку, он мне напомнил про баул и сделал это совсем не по-доброму. Я тогда разозлился и сказал:

– Василич, твои суеверия от неуверенности. Тренировать

пацанов надо как положено, а не так, как ты это делаешь, три упражнения за сезон. Они делают то же самое, что я делал у тебя двадцать пять лет назад, а хоккей с того времени сильно изменился. Я давно хотел с тобой об этом поговорить... Короче, мат стоял, на всю тренерскую. Меня это конечно не красит, но уже как есть. Не знаю, чем бы наше противостояние закончилось, но меня в скором времени пригласили работать главным тренером в команду, где я нахожусь по сей день.

Не знаю Лиза, понравятся ли тебе мои размышления, но суть суеверий в том, что любой хоккеист, как и любой спортсмен, выходит на поле не поиграть, а выиграть, и если соблюдение дуратских ритуалов и примет поможет добыть победу, их будут соблюдать. За сим прощаюсь и рад знакомству. Будешь дома, приходи на хоккей. С уважением, Александр Селиванов.

Лиза прочитала письмо утром. Ей очень понравился Селин рассказ и его размышления. Подружкам по комнате в общаге она сказала, что на первые лекции не пойдет, а будет работать. Она поняла, что из этого письма можно будет сделать классный материал.

– Это будет репортаж, – решила она и, не отвлекаясь на разговоры, сборы и утреннюю суету подруг по комнате, она написала, что с детства знала кто такой Саша Селиванов, как приехала учиться в Питер, как в редакции был организован тотализатор, ибо от корреспондентов до редактора, все зна-

ли, что Селиванов не дает никаких интервью. Подробно написала, как уже отчаялась, но вдруг Селиванов согласился, ну, а гвоздем репортажа был рассказ про баул, который уже в самолете Александр Николаевич Селиванов написал для неё и читателей.

Вся работа заняла не больше часа и Лиза вполне еще могла успеть на вторую пару, но она помчалась в редакцию. Ей хотелось удивить и редактора и коллег.

Она не ошиблась. Все были в легкой растерянности, но, в то же время, все искренне поздравляли с боевым крещением. Редактор, сказал, что, кое-что нужно поправить, но в целом:

– Текст отличный. Будет из тебя толк Елизавета! Раз взяла эту планку, раз поднялась на такой уровень, то старайся и держи его. А вы господа, – обратился он к коллегам, – Готовьте деньги, в тотализатор выиграла она.

Это был один из самых счастливых дней Лизы. Когда газетный номер вышел, она вырезала свой репортаж под заголовком «Баул» и не электронным, а уже обычным письмом отправила страницу Селе, приписав на отдельном листе, что очень ему благодарна и, что история с баулом стала для неё судьбоносной, входным билетом в журналистику, в профессию о которой она мечтала с детства.

Получив письмо из Питера, Селя с интересом всё прочитал, а потом взял другой конверт, вложил туда Лизину газетную вырезку и написал письмо своему первому тренеру,

Юрию Васильевичу Кочерову, где извинился за все те слова, которые сторяча сказал тогда в тренерской, поблагодарил, за свои первые шаги на льду, а в конце приписал, что злосчастный баул их поссорил, но зато помог другому человеку, как говорят хоккеисты «заиграть». Селя в кратче рассказал историю про молодую, красивую и настырную журналистку, их землячку, еще раз извинился и в конце приписал:

– Не держи зла Василич, жизнь многогранна. Она значительно интересней и сложней, чем мы думаем. Береги себя и будь здоров! Саша Селиванов.

2009

Игрок

В спорте все как в жизни, только значительно сложнее. Все лаконичнее, конкретней и жестче. Сотые доли секунды отделяют триумф от провала. Годы тренировок, ограниченный и истязаний, жизнь, брошенная, а точнее добровольно положенная на плаху спорта, может не состояться из-за одной сотой секунды. Спорт – это всегда «ва-банк», без отсрочек, рассрочек и полутонов. Только здесь и сейчас.

Эту печальную истину Столбов Валерий Дмитриевич, заслуженный тренер России, знал отлично, а потому без особой надежды на успех шел поговорить с тренером команды мастеров. Впервые за много лет в молодежке Столбова по-

явился игрок. Еще совсем худенький, не обросший мясом и мышцами, на первый взгляд даже хиленький и сутуловатый из-за большого роста, но с неординарной техникой, уникальной обводкой, мощным и быстрым катанием, прекрасным игровым чутьем, забивной и очень умный мальчик. Игру он понимал, словно только для неё и был рожден. Столбов, в прошлом сам известный игрок и великолепный мастер, видел, что в парне еще масса недоделок, много над чем еще придется поработать и пролить не одно ведро пота, но, в то же время, то хоккейное сияние, которое источал Миша Громов, надо было быть слепым, чтобы не заметить.

– Помимо разочарований, сломанных судеб и исковерканной жизни, бывают ведь в спорте и чудеса, – успокаивал себя Столбов, настраиваясь на разговор, – Чья-то своевременная подсказка, удача в нужный момент, неожиданная травма конкурента, железобетонная поддержка и доверие тренера, которые толкают в самую гущу событий... Бескомпромиссная вера в себя, фактор «икс» в конце концов, когда человек вопреки всему становится чемпионом и звездой... И, я же не для себя иду просить, я же для дела, – Столбов тяжело вздохнул, помедлил и постучал в дверь, – Ну, Гром, если сростется, наливать мне будешь всю оставшуюся жизнь, – ухмыльнулся про себя Столбов и перешагнул порог тренерской. Он успокоился. В нем, как всегда перед ответственной игрой или решающим матчем, появилась удаля, граничащая с безрассудством, напор и желание победить, во что бы то

ни стало. В молодости у него бывали игры, в которых он так хотел выиграть, что был готов отдать год жизни за победу. И, чем безнадежней была ситуация, тем больше необузданной лихости и какого-то безграничного, македонского состояния духа, что все по плечу, в нем появлялось.

– Счет два-два, последняя смена матча, вбрасывание в зоне соперника, поехали, – сам себе сказал Столбов и громко поздоровался.

– О, Столбик, дружище, заходи, – главный тренер клуба Николай Алексеевич Зотов, а в прошлом партнер по тройке Зот, очень тепло встретил Валерия Дмитриевича. Помимо Зотова в тренерской были и все помощники.

Зотов со Столбовым были друзья с юности, не разлей вода и на льду и вне его. Когда женились, стали дружить семьями, летом вместе ездили отдыхать и всегда встречались при первой же возможности. Когда меняли клубы, из виду друг друга не теряли. Разными дорогами пришли в тренерский цех. Столбов как игрок был ярче, Зотов стал более успешен как тренер, но это, ни тогда не сейчас не на что не влияло. Отношения между ними были всегда ровными и теплыми. Однажды их пригласили в столицу, Зотова возглавить команду мастеров, а Столбова фарм-клуб. Так они и осели в Москве. Не смотря на то, что работали на одном стадионе, виделись редко – команды забирали все время, да и к тому же были разные календари. Если мастера играли дома, значит, дублиеры были на выезде и наоборот, поэтому Зотов и обрадовался

так Столбову, когда тот появился в дверях.

– Вот не фарт, – подумал Столбов здороваясь со всем тренерским штабом. Он думал переговорить с Зотом с глазу на глаз, но теперь видимо не получится.

– А может оно и к лучшему, – подумал Столбов, – Поговорим все вместе, так как случай не заурядный, можно сказать уникальный. Когда много мнений, то по теории вероятности и шансов больше, – схватился за соломинку Столбов.

Помощники Зотова в прошлом тоже были известными игроками. Как и Зотов и Столбов, они были обычными пацанами с заводских окраин, где неподалеку, на их счастье построили ледовый дворец спорта. Они были из простых семей и всего добились сами. Всю свою жизнь в хоккее прожили по совести и по суровым спортивным законам. С открытым забралом и в полный рост, никого не сдавали, не придавали и не сплавляли. Никогда не были трусами и кроилами, а поэтому имели не малый авторитет и у руководства клуба и в команде среди игроков.

– Их мнение тоже будет весомым, да и Зот к ним прислушается в случае чего, – окончательно успокоился Столбов и без лишних реверансов сразу начал с сути вопроса, – Алексеич, я, это, по поводу Громова... – неуверенно начал Столбов.

– Да Валера, ты никогда не был дипломатом, – улыбнулся Зотов.

– Как и ты, – Столбов понял, что, в общем-то, уже можно

уходить. Разговора не будет, или будет, но все закончится как всегда, ничем.

Они не первый год работали в связке. Клуб куда их пригласили вместе, рассчитывал на то, что оба тренера, в прошлом блестящие хоккеисты, которые играли плечё к плечу и понимали друг друга с полуслова и полувзгляда, сделают нечто подобное и в своих командах – договорятся о тактике, тренировочном процессе и сделают единую систему. Столбову была поставлена задача готовить молодых игроков в фарм-клубе, которые уже натасканные и обученные будут приходить в первую команду, не тушуясь, а четко зная свою роль в том или ином элементе игры. Столбов честно отрабатывал свой хлеб и каждое лето в первую команду отправлял пять-шесть человек. Они как солдатики от звонка до звонка отпахивали всю предсезонку и Зотов их благополучно отцеплял.

Столбов обижался, спорил, но аргументы Зотова всегда были тверже любого железа:

– Дмитрич, дорогой ты мой, – говорил Зотов, – Ты же знаешь уровень лиги. Ну, куда этим желторотикам под танки?

– Не спорю, рановато, но хорошие же пацаны, обобьются, оперяться, не сразу, но ведь смогут же играть. Оставь хотя бы в команде, не обязательно сразу в состав.

– Не могу. Если оставляю, значит нужно подписать контракт, а как его подписывать, если я знаю точно, что человек не будет играть, потому что элементарно не готов. Им еще

до нашего уровня расти и расти.

– Согласен. У них нет опыта. Но откуда ему взяться, если ты им не даешь не то, что играть, даже шанса не даешь! Мы же тоже были молодыми, вспомни, нам же давали играть, хоть до первой ошибки, но давали.

– Валера, раньше времена другие были. Раньше все команды играли своими игроками, своими воспитанниками. Нашему с тобой родному клубу просто повезло, что мы такими мастерюгами выросли. Сейчас все по-другому. Играй кем хочешь, но нужны очки и победы. У тебя хорошие пацаны. С некоторыми если поработать, дать поиграть пару сезонов, поошибаться, успокоиться, заматереть, они будут играть. Только меня куска хлеба лишат. У меня нет времени на их ошибки. Победы и медали нужны здесь и сейчас.

Подобные разговоры были каждую осень на старте сезона. Столбов, конечно, злился, что работает в холостую, что его игроки уезжают в другие команды и кто раньше, кто позже, но попадают в сильнейшую лигу страны. Это тешило его самолюбие, но не приносило никакого удовлетворение. Он хотел, чтобы ребята с его «фермы» попадали к Зотову и росли дальше в системе их клуба, а не в других. Хотя объективно, с доводами Зотова он соглашался. Любой богатый клуб, а они были тренерами в очень богатом клубе, это золотая клетка для молодого игрока. Если даже ты талантлив, с тобой подпишут контракт и усадят на лавку. Как пробиться молодому игроку в состав, если там половина сборной страны играет?!

Поэтому Столбов хоть и пытался давить на Зотова, но прекрасно понимал, что его пацанам, наверное, никогда не светит играть на равных с мастерами Зота, ну если только не появиться какой-то молодой выдающийся игрок. Такой, на которого заморожено, с восхищением будут смотреть и тренеры, и игроки, и соперники.

Чуйка Столбову подсказывала, что Гром будет первый, кто подвинет в составе кого-нибудь из дорогих звезд клуба. Может не сразу, но это обязательно случится, поэтому с Громовым Столбов решил поступить иначе. Парень был настолько яркий и самобытный, что Валерий Дмитриевич решил не ждать конца сезона. Если сделать все как всегда, то и результат будет соответствующий. Поэтому Мишку, Столбов решил представить в ноябре.

– Зот, может сразу и отвергнет, но весной на него посмотрит уже иначе, а там глядишь, парень добавит, – а в этом Столбов не сомневался, – И может летом на предсезонке удастся сыграть несколько выставочных матчей и зацепиться за состав, – но после заявления Зотова, о том, что Столбов никогда не был дипломатом, вся блестящая комбинация в голове главного тренера фарм-клуба рухнула, не успев до конца сложиться.

– Еще зачем-то в бутылку полез, взял при помощниках сказал, «как и ты», вообще при них не стоило этот разговор начинать.

Повисла тишина.

Тренеры переглянулись, заулыбались.

– Не сердись, Валера. Тебя все за это и уважают, что не прогибаешься, не юлишь, а всегда говоришь как есть. И что за пацанов своих горой стоишь, – сказал Зотов, – Парни улыбаются, – он кивнул на своих помощников, – У нас перед утренней тренировкой совещание было с президентом клуба. Он сказал, что владелец команды выделяет дополнительные деньги. Надо говорит перед плей-офф укрепиться. Прикинь, это нам-то. У нас пятая пятерка, как вторая в любом другом клубе. Я ему говорю, Владимир Николаевич, кем укрепиться, все лучшие итак у нас играют. А он говорит, посмотрите, кто свободен в Америке, в Канаде, может с «НХЛ» кого-то подпишите...

– Понятно, я, пожалуй, пойду, – сказал Столбов, вставая, и не поднимая ни на кого глаз.

– Да подожди ты, – Зотов искренне улыбнулся и даже привстал со своего места, – Что ты кипятишься, что там за пацан у тебя, почему, ты его посреди сезона хочешь показать?

– Потому что это игрок, Коля. Настоящий игрок. Вырастит в большого мастера.

– Вот именно. Вырастит Валера. А мне нужно сейчас. Ты же знаешь наши требования.

– Знаю... Возьми его на пару тренировок, присмотришь. Я тебя никогда ни о чем подобном не просил, но этот мальчишка, просто Богом поцелованный. Настоящей звездой будет.

– Как, Громов, под десятым номером играет? – подклю-

чился к разговору тренер защитников.

– Да, под десятым, Миша Громов – оживился Столбов.

– Николай Алексеевич, я с ним несколько игр видел. Технический, местами интересный, но не старается, так игрок средней руки.

– Не старается, потому что ему не интересно, – заступился Столбов, – Ему все легко дается, он давно перерос уровень фарм-клуба. Я ему сам говорю, Гром, ну, что ты как шалопай, забил три, ну забей еще десять, что ты бросаешь играть, твоя фамилия, что, на табло не смориться?! Тебе что, статистика не нужна?

– А он, что? – заинтересовался Зотов.

– А он, говорит, что для победы хватит и трех.

– Алексеич, он худенький. Наши мужики его в первом же единоборстве пополам расколят, да и «штангу» он не потянет, для наших нагрузок он слабоват.

– Со штангой да, согласен, его нужно будет потихоньку подвести. Я специально не форсирую. Он еще растет, шестнадцать лет, пацан совсем. А вот расколоть его не получится. Пусть ваши попробуют за ним угнаться и в него попасть. Я специально на днях на льду тесты давал, он нашим троим, может четверым уступает.

– Да ладно?! Ты серьезно? – Зотов вскинул брови, – Ты знаешь, что мы в лиге одна из сильнейших команд по функционалу. Наш темп соперники выдерживают полтора, ну максимум два периода, а в третьем мы их просто разрываем.

Мы третьи периоды выигрываем в две, три и даже в четыре шайбы.

– Зот, этот пацан игрок. Я бы не пришел, если бы он не был так хорош. Посмотри.

Зотов помолчал. Подумал и вдруг согласился:

– Хорошо. Мы, в общем-то, ничего не теряем, возьмем его. Пусть приходит сегодня на вечернюю тренировку. Даже если сразу отцепим, парню все равно опыт, да и будет что вспомнить.

Столбов одобрительно кивнул. Это была еще не победа, но уже кое-что.

***

Гром, оказавшись на льду с мастерами, не стушевался и не потух. Зотов боялся, что совсем еще юный Миша Громов, не зная упражнений, будет тормозить всю команду, но к своему удивлению увидел, что мальчишка их делает привычно, спокойно и даже как-то по эстетски.

– А Столбик-то молодец. Свою лямочку тянет, как положено. Обученный мальчишка, любо дорого посмотреть, – подумал про себя Зотов и подмигнул Столбову, который тренировку смотрел с трибун и внимательно, не отрывая взгляда, наблюдал за молодым, еще нескладным на общем фоне габаритных игроков Громом.

Почти все упражнения своему фарм-клубу Столбов давал

в точности, как и Зотов в первой команде, поэтому Мише Громову на льду было все понятно и знакомо, только ребята вокруг носились килограмм на двадцать-тридцать побольше, нежели обычно.

Столбов сидя в одиночестве на огромной пустой трибуне немного волновался, но Гром выглядел достойно. Он не ошибался, не суетился, у него не было испуга в глазах. Взрослые игроки на разминке и на паре первых упражнений на него поглядывали с интересом, но как говорить, птицу видно по полету, в нем быстро признали равного и все сосредоточились на себе. Пошла монотонная, рутинная работа тренировочного процесса. Гром нигде не выпадал и ничем не привлекал к себе внимания. На льду была единая, классная команда. Из общей массы игроков его выделяла только железная маска, в которой он обязан был играть до восемнадцати лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.